

"Мы въезжаем в монастырскую слободу..."

Слобода Тоболенец (Святые Горы) глазами паломников и путешественников XIX - нач. XX вв.

Пушкинские места Псковской губернии - Михайловское, Тригорское, Святые Горы - издавна привлекали к себе внимание людей разного рода и звания - любящих Пушкина, русскую историю и словесность.

Многое переменялось в здешних краях. Время неумолимо уносит неповторимые картины прошлого - того, что было при Пушкине. Перемены, которые произошли во всем, просто глобальны - это и смена исторических формаций, и смена поколений, мировоззрений, и многое - многое другое. Хрупкий, по причине своей тонкой поэтической природы, заповедный мир пушкинского уголка вынужден был "в силу вещей и обстоятельств" (выражение Пушкина) уступать натиску новых веяний. Каждое поколение, повинувшись велениям своего времени, снимало в той или иной степени с этой местности ее "поэтический покров". В наши дни, несмотря на то, что многое кардинально переменялось, приметы старины все же до конца не утрачены. Даже безвозвратно ушедшие образы и картины минувшего можно воссоздать - благодаря фрагментам их, запечатленным в памяти поколений, на картинах художников и на старых фотографиях, в творениях писателей и поэтов, а также в путевых заметках многих поколений русских людей, в разные годы посетивших эти места.

Сегодня мы постараемся, условно говоря, "методом синтезирования" воскресить из забвения и восстановить по крупицам тот давно ушедший мир: историческую и природную панораму поселения, живописно раскинувшегося по холмам вокруг монастыря эпохи Ивана Грозного - слободы Тоболенец (Святых Гор). Эта местность, названная одним из представителей интеллигенции начала XX века "благословенным, святым пространством", благодаря связи с именем национального гения, окру-

жена ореолом культурной святыни. Отсюда, от могилы Пушкина, от Святой Горы начинался путь великого паломничества в русскую историю и культуру.

До наших дней дошло не так уж много воспоминаний паломников и путешественников, приезжавших в Святые Горы в XIX и начале XX вв. Наибольший всплеск подобных публикаций наблюдался как раз в период празднования столетия со дня рождения Пушкина (вернее, и до и после него). Ценность этих материалов заключается в том, что в них запечатлена живая жизнь и живая история. Авторы этих записок не только осваивают определенное географическое и историческое пространство, но и свободно ориентируются в психологическом пространстве русской души.

Благодаря их запискам мы попадаем в один из глухих и прекрасных уголков старой России, почти не тронутый цивилизацией, где можно было - через многие годы после ухода из жизни А.С. Пушкина - наблюдать тот русский народ, который видел и он, и который со времен Ивана Грозного и Бориса Годунова почти не изменился в своих душевных качествах в этом захолустье.

Фрагменты нижеприведенных воспоминаний, сложенные вместе, позволяют нам выстроить своеобразную "мозаику", благодаря которой можно увидеть события былого в том виде, какими они были в реальности. В этом есть свой смысл, так как с годами наши знания о прошлом начинают превращаться в сухую схему, а живые подробности и краски начинают постепенно исчезать.

Следует заметить, что описания Святых Гор, представленные в заметках посетителей пушкинских мест, не могут быть фотографически точными, так как в них присутствует некоторая доля субъективности, личного чувства и настроения. Так, одни путешественники пишут, что слобода - "местечко интересное... густо населенное, относительно достаточное, благодаря двум ежегодным ярмаркам..."

Иванова Валентина Кузьминична – ст. научный сотрудник Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское»

(В. П. Острогорский), а другие - сообщают, что село "очень небольшое и очень бедное" (П. Г-ри.). Одни пишут, что "население почти поголовно грамотное" (В. П. Острогорский), другие о святогорских обывателях говорят: "там темен ум, мертвы сердца". Некоторые пишут, что на почтовой станции "можно недорого и довольно удобно остановиться" (В.П. Острогорский), другие, напротив, свидетельствуют о "неуютном ночлеге на станции" (Д. Мышецкий); одни из них пишут, что "кладбище Тимофеевой Горы - глухое, темное и мрачное (Васильев-Ушкуйник), а другие, наоборот, сообщают, что оно "производит необыкновенно симпатичное впечатление" (Иван Щеглов) и т.д. Причины подобного рода несовпадений кроются в целом ряде обстоятельств. Как всегда, настроение русского человека в сильной степени зависит от погоды, времени года; немаловажно также и то обстоятельство, откуда человек приехал: с северных окраин России или южных, где жизнь богаче, к высшим или низшим классам русского общества он принадлежал. А для тех, кто был знаком с заграницей, жизнь святогорской слободы, несомненно, казалась особенно нищей и убогой. Оттого и происходила разноголосица впечатлений, порой существенно отличающихся друг от друга. Однако истина, как всегда, находится где-то посередине. И мы постарались отобрать наиболее характерные фрагменты из их воспоминаний, чтобы увидеть цельную картину. Свообразные документы эпохи, они позволяют нам заглянуть в далекое прошлое и, конечно, ответить на вопрос: что же "пушкинского" было в Святых Горах годы спустя после смерти поэта? "Постараемся подобрать все крохи и обломки, какие остались нашему бурному времени от тихих прежних "Пушкинских уголков..." - писал в 1924 году Ф. А. Васильев-Ушкуйник [1]. Именно его методу мы и последуем.

Человеку, проезжающему этими местами,- писал в 1885 году о своем путешествии от Новгородки в Святые Горы поэт К. Случевский, сопровождавший Великого князя Владимира, - на первый взгляд легко может показаться, что ничего тут особенного, исторически важного не было, ничего замечательного не совершалось. Тихо, однообразно тянутся поля, леса, пустыри, скромно ютятся деревни; нечасто встречаются усадьбы, а

памятников, каменных и железных свидетелей былого, имеется гораздо меньше, чем можно было бы ожидать. Но, если коснуться исторического прошлого этих местностей, то впечатление сразу изменится. Край населится удивительными картинами, дебри оживут и воспоминания о самых отдаленных событиях невольно восстанут в памяти..." [2]

Историческая справка.

В пушкинское время в слободе Тоболенец было всего 25-30 дворов.

К концу XIX века (по переписи 1878 года) уже был 51 двор, жителей мужского пола - 147, женского - 168 душ, одна почтовая станция, больница, сельское училище, богадельня и три постоянных двора. На горе Закат (Волостная гора) находилось управление Воронежской волости (с 1708 года).

В начале XX века (сведения на 1927 год, которые приводит П. М. Устимович в книге "Михайловское, Тригорское и могила А. С. Пушкина") в селении жителей около 370, живущих в 91 доме.

Начнем с того, что все приезжавшие в эти места описывают красоту природы, уже задолго до приближения к Святым Горам: "Мой возница не желал торопиться и оставшиеся 22 версты вез меня около двух с половиной часов", - писал один из путешественников князь Мышецкий - "Правда, что местность, в особенности на протяжении последних двенадцати верст, становится так красива, что перестанешь уже мечтать о том, как бы поскорее приехать". [3] (Кстати, другие путешественники добирались от Новгородки до Святых Гор за полтора часа: "Мы сделали 22 версты в полтора часа; в распутицу можно было проехать семь часов". К. Случевский) [2. С. 116-117]

Немало сохранилось восторженных свидетельств о "живописности местоположения Святых Гор": взгляд приезжего отмечает бревенчатые домики, разбросанные среди хвойных, главным образом, сосновых лесков; озеро Тоболенец с живописными высокими берегами; замечательный по древности и красоте Святогорский монастырь. Места тихие, точно заколдованные, с застывшим дремотным спокойствием.

Приведем наиболее характерные из этих описаний.

А. Яблоновский (1899)

Место успокоения Пушкина - Святые

Горы представляют собой довольно значительное местечко, расположенное на нескольких горах < . . . > Совсем близко поднимаются другие горы поменьше, тоже покрытые хвойным лесом, а дальше на несколько верст раскинулась низменность. [4]

Г.Я. Есипович (1902)

< . . . > Вокруг Святогорского монастыря живописно расположено целое местечко или посад, в котором имеются лавки и живут торговые люди, занимающиеся торговлей льном, распространенным в уезде, также имеются земский приемный покой, телеграфное и почтовое отделения.¹ [5]

С. Меч (1907)

Обогнув большое озеро, мы стали взбираться на монастырскую гору по сыпучим желтым пескам, под лучами жгучего солнца. Наконец поднялись. Возле монастыря, с западной стороны, возник целый поселок, слобода, изобилующая чайными, винными и пивными лавками. Миновав эту слободу, мы въехали в монастырские ворота < . . . > [6]

В. Г. Вейденбаум (1911)

Святые Горы - это островок песчаных холмов, покрытых сосновым лесом, среди бесконечной, слегка волнующейся равнины полей и лугов. С холмов этих почти во все стороны открывается вид на равнины, как с прибрежных дюн на море. Я так и представляю себе, что в силлурийскую или другую эпоху, когда северо - русская низменность была покрыта морем, эти места ранее других поднялись из воды и море наметало песчаные дюны.

Вот среди этих-то холмов и приютился Святогорский монастырь с примыкающим к нему посадом Тоболенцом. [7]

Ф. А. Васильев-Ушкуйник (1924)

Мы попадаем точно в ущелье, сдавленное с обеих сторон песчаными грядами; затем мало-помалу вылезает перед нами прилепившиеся к буграм домики, и вдруг неожиданно сразу открывается на высокой горе монастырь с его церквами, стенами, садом и улица с прилепленными домиками, спускающаяся в яму, чтобы затем сразу же подняться в гору до ворот монастыря. [1. С.2]

Далее следует описание селения с колокольни Святогорского монастыря:

Как на ладони перед нами все селение, окруженное холмами. Невзрачные домики и избы лежат по склонам холмов, своею скученностью местами создавая впечатление уголков старой Москвы на картинах Ап. Васнецова. Торчит безобразная пожарная каланча. Озерко, скорее большой пруд, совсем зажато окружающими его холмами и домами. Темнеет мрачной кучей сосен Тимофеева гора с чуть видной часовней. Мимо нее светлой лентой поднимается на поросший лесом хребет горы дорога в Михайловское. Вдали на горизонте видны роции Тригорского и Михайловского.

Селение Тоболенец лежит в яме, закрыто холмами, в старые времена покрытыми лесами, было этими естественными условиями как бы ограждено от врагов.

Кругом типичный северный пейзаж: холмы и холмики, светлые рожицы берез, темные пятна сосен, озерки и речушки, ленты полей, кучки деревенских изб, пасущийся скот. И тишина. Она особенно слушается в этих глухих местах < . . . > [1.С.29]

Живописность расположения Святых Гор - первое впечатление почти всех посетителей слободы. Второе - не менее важное, а по их мнению наиболее характерное - это существование в поселении как бы двух противоположных миров: один мир - это Синичья (Святая) Гора со Святогорским монастырем и жизнью в нем - это мир света, красоты и покоя, и второй мир - в ста шагах от монастыря - сама слобода - это мир суеты, мир будничной жизни. Мир горный и мир дольный, образно говоря. Один - мир затворничества и умиротворения, другой мир современности с его суматохой, винными лавками и обыденной возней, располагающийся, что особенно символично, как раз у подножия монастыря.

В подтверждение этого приведем несколько фрагментов из воспоминаний прошлого. К самым ранним из них относятся путевые заметки К. А. Тимофеева "Могила Пушкина и село Михайловское" (1859).

"Но вот и Святогорская монастырская слобода! Спускаемся с горы и проваливаемся в яму. Темно, тесная грязная улица; вот и дом, рекомендованный нам для ночлега: в окнах тусклые огни, на лестнице какая-то сует-

¹ В 1877 году в слободе открыли почтовое отделение, в 1886 году от Новгородки на Бежаницы проложили телеграфную линию

та; оказывается, что в доме семейный праздник, приютиться негде; указывают нам через грязную улицу другой двухэтажный дом - насилие взобрались туда впотьмах с дорожными мешками. Не советую никому слишком доверчиво, в 9 часов вечера, въезжать на ночлег в монастырскую слободу, не зная, как мы не знали, есть ли в окрестностях еще другое пристанище, кроме грязной станционной избы. Ну, как бы то ни было переночевали, и - к монастырю, к могиле Пушкина. Дорога, отделяющая слободу от монастыря и прилегающих к нему гор, разграничивает точно два разные мира: мир тьмы, грязи, суматохи от мира света, красоты и покоя. Что за прелесть эти Святые горы, покрытые роцями, пашинями, открывающие далекий вид на холмистый Новоржевский уезд!" [8]

Эту особенность двух миров - мира слободы (мир суеты) и монастыря (мир покоя) отмечали и другие посетители пушкинских мест и в последующие годы.

Е. Опочинин (1899)

<... > Мечты мои прерывает лай собак и говор, раздающийся кругом, а колокольная, которую мы видели издали, оказывается совсем рядом: мы въезжаем в монастырскую слободу. Кривая улица с покатым склоном приводит нас почти к самым святым воротам Святогорской обители, словно с кротким упреком смотрящей с горы на суету мирскую внизу. А тут, действительно, суета: лавки и мастерские ремесленников, снабженные даже вывесками, как в городах, около них крестьянские подводы и чуть не целая толпа мужиков, наполовину навеселе, что объясняется близостью казенной винной лавки <... > [9]

Ф. А. Васильев- Ушкуйник (1924)

<... > Выйдя за стены монастыря, мы вступаем в мир кипящей жизни и современности из мира затворничества и мирного умирания... [1, С. 32]

Но ведь и сам Пушкин когда-то окунался в стихию каждого из этих миров. С одной стороны, ему нравилось ощутить себя человеком толпы, переодетым в народный костюм, с другой - он любил посидеть в спокойном уединении на склоне святогорского холма, неподалеку от могил своих предков. Тут-то он и ощущал тот самый торжественный покой, который он описал в стихотворении "Когда за городом, за-

думчив, я брожу...". Суетливая аура поселения оставалась где-то внизу, под горой, а он - наедине со своими сокровенными мыслями вдали от всего этого.

Но как же любо мне

Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое...

"Когда за городом, задумчив,
я брожу..." (1836 год):

В "Словаре языка Пушкина" слово "торжественный" имеет следующие значения: нерушимый, величавый, величественный, священный. А слово покой - отсутствие движения, шума. Торжественность - антипод суеты, суетливости. Есть торжественность и есть суета, при которой не может и быть речи о торжественности. Два противоположных начала. "Служенье муз не терпит суеты, прекрасное должно быть величаво". (В связи с этим хочется отметить, что и современные туристы ощущают до сих пор эту торжественность, и отсюда желание постоять на Святой горе в одиночестве: "Экскурсовод рассказывает о разных частях построек. А ты ведь не слышишь этого. Зачем оно нужно?! Оставьте человека наедине, пусть он движется со свечкой и с мыслями, а ты, экскурсовод, молча иди вперед, чтобы приезжий не сбился с главного маршрута") [10]

Значительное место в записках путешественников отводится описанию бедной жизни местного населения, как в самой слободе, так и в деревнях по дороге к ней.

Г-Гри (1899)

Навстречу нам то и дело попадались обозы со льном, доставляемым на станцию "Остров". Меня поражал унылый вид псковских крестьян, везших лен, убогость их упряжи, инвалидность кляч. Везде и всюду так и зияют ужасающая, поражающая постороннего зрителя, бедность и убожество. <... > Мы, я и мой спутник К-в, разговорились на эту тему, коснулись, между прочим, общего бедственного экономического положения русского мужика, подтверждаемого из года в год повторяющимися сильными недородами <... > .

Дорога извивается змеею между многочисленными, довольно высокими и крупными горками, обросшими густым хвойным лесом, и тарантас, наконец, останавливается

у подъезда небольшого одноэтажного здания, за которым красуется надпись: "Почта и телеграф".

Все село видно отсюда как на ладони. Оно очень небольшое, и очень бедное.

Два-три десятка небольших домиков, две-три мелочные лавочки, казенная винная лавка и бок о бок с нею "трактир без крепких напитков", вот что есть в Святых горах кроме монастыря и его просветительных учреждений. [11]

Клавдия Лукашевич (1899)

Верт за 12-10 до цели нашего пути, казалось все потеряли терпение. Дорога была ужасна: лошади еле-еле тащились по глубокой, вязкой грязи. Нам то и дело встречались тарантасы, телеги, кибитки: обратные ямщики. Оживление было необычное. По дороге всюду стояли толпы озябших, посинелых деревенских ребят. Они с любопытством смотрели на проезжих, бросались за экипажем и громко отчаянно кричали: "Дай гостинчика, дай копеечку". [12]

А.Яблоновский (1899)

< . . . > ...я вышел из тихого монастырского кладбища на деревенскую улицу. Здесь в сотне шагов от монастырской стены, стояла кучка мужиков и на все село вела разговор или, вернее, орала о податях. Какой-то мужик в старом тулупе, но с новыми в нем рукавами, бранился с бабой, тоже одетой в овчину и вооруженной длинным шестом:

-Вот и выходит, что нам пополам платить надо, - доказывала баба, - ты шесть рублей и я шесть.

-Выкуси, старушка, ты одна платишь все двенадцать!

-Господи! Да ведь все говорят, что пополам: ты шесть, и я шесть, так выходит!

-Эво что выходит! - сердито произнес мужик и поднес к самому носу бабы известную комбинацию из трех пальцев.

Он, как мне показалось, даже ткнул этой комбинацией в самый нос своей собеседницы. По-видимому, этот аргумент показался бабе неопровержимым, по крайней мере, она сразу успокоилась, смолкла и, отойдя к сторонке, уныло оперлась на свою длинную жердь. - Да, подумалось мне при виде этой уличной сценки, - не мудрено, что здесь так мало знают о Пушкине. Здесь все идет обыч-

ным крестьянским чередом: вечная мужицкая тягота, вечные подати, вечная забота о куске хлеба, вечное недоедание. Тут не до поэзии, не до Пушкина, когда отовсюду то и дело слышишь: "кусать нечего, подати платить надо, земля не родит, лен в цене упал". Надо ли удивляться после того, что местные крестьяне, на вопрос о том, кто был Пушкин, отвечают: "генерал", или: "кажись угодник", или, наконец, откровенно говорят: "а кто его знает, кто он такой был". [4]

Нам думается, что приведенная выше картинка из народной жизни на деревенской улице: мужик в старом тулупе, но с новыми в нем рукавами, баба, одетая в овчину, перебранка между ними, - это и есть как раз то, что Пушкин называл как: "вольность суждений площади" или "грубая откровенность народных страстей". Конечно, не стоит делать из банальной истории (приведенной выше уличной сценки) "драму шекспирову", но мы знаем, что и сам Пушкин мог не раз наблюдать подобное в Святых Горах, когда он сливался с толпой, наблюдая народные нравы и собирая материалы для драмы "Борис Годунов".

Сделаем некоторое отступление от общего хода нашего исследования и остановимся в связи приведенными выше рассуждениями на одной очень важной особенности места, которую мы назвали бы как "укорененность" в пушкинском времени. Она просматривалась не только на протяжении всего XIX века, но и гораздо позже, в XX веке. Это явление нашло отражение не только в путевых заметках, но и в художественной литературе, в частности в произведениях К. Паустовского,² таких, как "Михайловские рощи", "Дым Отечества". Приведем отрывки из этих произведений в качестве подтверждения этой мысли.

"Михайловские рощи":

Вокруг монастыря поселок - Пушкинские Горы.

Поселок завален сеном. По громадным булыжникам день и ночь медленно грохочут телеги: свозят в Пушкинские Горы сухое сено. От лабазов и лавок несет рогожами, копченой рыбой и дешевым ситцем. Ситец пахнет, как столярный клей.

² Паустовский побывал в пушкинских местах (Пушкинском заповеднике) летом 1937 года. 11 июля 1937 г. оставил запись в книге посетителей заповедника

Единственный трактир звенит жидким, но непрерывным звоном стаканов и чайников. Там до потолка стоит пар, и в этом пару неторопливо пьют чай с крошками серого хлеба потные колхозники и черные старики времен Ивана Грозного. Откуда берутся здесь эти старики - пергаментные, с пронзительными глазами, каркающим голосом, похожие на юродивых, - никто не знает. Но их много. Должно быть, их было еще больше при Пушкине, когда он писал здесь "Бориса Годунова". [13]

"Дым Отечества":

Пушкинские Горы были видны издалека. На холме темнел монастырь. Серые стены собора облупились. Под штукатуркой выступил розовый кирпич.

В дороге все озябли и заехали в чайную на въезде. Косматые старики возчики пили жидкий чай и дули на блюдца. По липкому полу бродил боевой петух. Каждый раз, когда он находил затоптанную корку или крошку сахара, он хлопал крыльями и силло, победоносно кричал. Старики говорили о сене, о новых шлеях.

За дальним столиком сидела высокая девушка и рядом с ней парень со светлыми глазами. Время от времени он растягивал гармоникку и пропавшим голосом заводил песню < . . . >

-Черт его знает, - сказал Швейцер, - хоть сейчас садись и пиши сцену в корчме из "Бориса Годунова".

Из чайной пошли пешком в монастырь на могилу Пушкина. Под стенами монастыря стояли обозы с сеном. Над розвальнями перелетали сороки, садились на сено, что-то выковыривали из сухих стеблей. Лошаденки дремали - привыкли подолгу ждать хозяев. Из кооператива пахло рогожами, столярным клеем.

Трудно было представить, что в нескольких шагах от этих саней с сеном, от чайной, ларька с газетами и календарями - могила Пушкина, именно здесь, в этой глухой стороне, среди снежных равнин, под этим небом и должна быть его могила. [14]

Возвратимся снова к воспоминаниям путешественников.

Много места в воспоминаниях приезжающих в Святые Горы отводится рассказу о том, как и где они устраивались на ночлег, где мож-

но было согреться чайком и переждать непогоду и т.д. Выбор был довольно небогатый: почтовая станция,³ чайная, частные дома. Что касается описаний чайной, то отзывы о ней на редкость единодушны. Вот эти характеристики: гостеприимная, опрятная, симпатичная, уютная.

Е. Остен - Сакен (1892)

...Дождь со снегом свирепствовал в ту пору, как мы приехали в Святой Горск; невозможно было и думать о посещении могилы. < . . . > Мы только лошадей переменяли и согревались чаем на станции после 20-ти верст почтового перегона < . . . > [15]

Опочинин Евгений (1899)

Мы останавливаемся и спрашиваем, где бы нам найти себе приют. Из толпы выделяется невысокий красноносый старик с хитрыми, наизгнанными глазами и подходит к нам:

-Вам это чего? - спрашивает он, не удовлетворяясь сделанным нами заявлением.

-Где бы нам остановиться, лошадей поставить, ну, и самим переночевать? -вновь поясняя я.

-А это у Тоболиных: дом у них большой, двухэтажный и помещение отличное. Я вас провожу, ежели угодно...

К Тоболиным, так к Тоболиным, - мы изъявляем желание воспользоваться их "отличным помещением", святогорский гид вваливается к нам в сани, мы поворачиваем в какую-то улицу, идущую немного в гору, проезжаем ее до конца и останавливаемся перед высоким домом, в два этажа, имеющим совсем городскую внешность. Старуха-хозяйка, вышедшая к нам по приглашению нашего проводника, ласково вводит нас в нижний этаж дома, состоящий из большой кухни с русской печью и двух просторных, чистых комнат, с крашеными полами, множеством цветов на окнах и особых скамеечках и с мебелью, напоминающую обстановку небогатых помещичьих домов. [9]

В. П. Острогорский (1899)

Отслужив на могиле панихиду, мы вышли из монастыря через другие, большие Святые ворота в монастырскую слободу Тоболенец, где, заметим между прочим, есть по-

³ Здание находилось там, где в настоящее время находится почтовое отделение на ул. Почтовой в старой части поселка Пушкинские Горы.

чтовая станция и где можно недорого и довольно удобно остановиться<...> [16]

Евгений Шведер (1907)

Маленькие серые домики сгрудились вдоль широкой немощенной улицы. У въезда высится какая-то странная арка со следами голубой краски. <...>

Мы остановились у одного из серых домиков, у дверей которого красовалась небольшая вывеска с надписью "Чайная".

- Здесь и чайку вам можно будет напиться и переночевать, - пояснил ящик.

В маленьких комнатках "Чайной" было на диво опрятно. На окнах белели кисейные занавески, стояло много цветов. Хозяйка, приветливая, хлопотливая старушка, засуетилась с самоваром. <...>

-Пожалуйста-ка умыться с дороги, да чайку откушать, приветливо пригласила она, - водицы я вам сейчас солью холодненькой, ключевой.<...>

Вечерело. Солнце медленно спускалось к синееющему вдали лесу, и небо было подернуто нежным, розовым отблеском заката. Посреди широкой, немощенной улицы кучка бело-головых ребятишек мирно копалась в песке: тут же рядом, в высохшей лужице, плескался выводок утят под надзором деловито побрякивающей старой утки. У монастырской ограды, о чем-то глубоко задумавшись, стоял молодой монашек.<...> Я долго еще бродил в тишине прозрачных летних сумерек, напоенных запахом отцветающей сирени, сочной зелени и скошенной травы, и только нежелание беспокоить хозяев поздним возвращением заставило меня возвратиться под кров гостеприимной "чайной". Там меня уже ждал самовар, и я, напившись чаю, с удовольствием растянулся на широком старинном диване.<...> [17]

Иван Щеглов (1902)

<...> Затем навестил, по соседству, опрятную и симпатичную народную чайную, играющую в Святогорье роль местного клуба, а также зашел в Пушкинскую читальню и богадельню при ней...[18]

Д. Мышецкий (1909)

При въезде в слободу стоит еще остов триумфальной арки, воздвигнутой в 1899 году по случаю пушкинских торжеств. Обращает на себя внимание солидная каменная

постройка в центре слободы, состоящей впрочем всего из трех-четырёх улиц; это пожарное депо, как говорят, прекрасно оборудованное. В нем имеется театральная зала, где даются любительские спектакли.⁴

Меня привезли прямо в монастырь, где я надеялся найти ночлег, но здесь меня ждала неудача. На шум, произведенный моим приездом, открылось окно и высунулась откормленная фигура в летнем холщовом подряснике. "У нас гостиницы нет", лаконично заявил монах,- посетители в слободе останавливаются". Пришлось последовать их примеру и также возвращаться в слободу, на почтовую станцию, где для приезжающих отведена большая комната, разделенная на две части перегородкой. Для постели предоставляются на выбор два дивана - кожаный и матерчатый. Такой ночлег сулил мало приятного, но делать было нечего, и я остался на станции.<...> [3, 308]

Он переночевал одну ночь на станции, а на следующий день "перекочевал на новую квартиру".

Неуютный ночлег на станции повергал меня в уныние, но меня выручил сторож, устроив меня, как он выражался, у купца, вернее мелко слободского торговца. За хорошую комнату и постель с грубым, но безукоризненно чистым бельем, я охотно согласился заплатить просимый рубль и перекочевал на новую квартиру. [3, С. 310]

Те же из путешественников, кто оставался в слободе на несколько дней и располагал достаточным свободным временем (чаще всего это были писатели или художники) в своих одиноких прогулках по окрестностям слободы, как они выражались, "открывали новые красоты": Тимофееву горку с Казанской церковью, озеро Тоболонец с его живописными берегами.

Д. Мышецкий (1909)

Теплый летний вечер был так хорош, что не хотелось идти спать; я отправился бродить по берегу прилегающего к слободе озера. Здесь ожидали меня новые красоты. Узкая дорожка лепится по самому берегу; сейчас же за нею круто поднимается гора, сплошь покрытая деревьями, среди которых

⁴ В настоящее время здесь находится типография

много дубов. За озером дорожка начинает извиваться среди причудливых холмов, скорее заслуживающих по своей крутизне и своим очертаниям названия гор. Тишина почти не нарушалась. Не было традиционной в этот вечер грозы, но пророк Илья все же напомнил о себе яркой зарницей, поминутно освещавшей южную сторону неба. Не обинуясь скажу, что красоты Швейцарии, виденные мною несколько недель спустя, не могли изгладить из моей памяти чудной летней ночи в Святых Горах. [3, С. 310]

Иван Щеглов (1902)

Бродя по слободе Тоболенец, забрел я на сельское святогорское кладбище, живописно раскинутое в лесу на горе, на той самой горе, на верху которой, по преданию, любил молиться блаженный Тимофей < . . . > . Самое кладбище, благодаря голубому цвету, господствующему в окраске кладбищенской церкви и могильных палисадов, производит необыкновенно симпатичное впечатление... Голубая церковь, голубые ограды кругом, из густо разросшейся травы там и сям выглядывают голубые глаза васильков - и тишина, ничем не возмутимая пленительная тишина сельского кладбища... Пребывание мое на кладбище не прошло незамеченным - через какие-нибудь пять минут я был окружен деревенской детворой. Не без любопытства глазевших на человека, удостоившего своим вниманием заглохшее сельское кладбище < . . . > [18, С.49-50].

И когда наступало время покидать Святые Горы, большинство из отъезжающих не-

пременно поднимались еще раз на Святую гору, чтобы проститься с могилой Пушкина.

Иван Щеглов (1902)

Прежде чем сесть в тележку, взобрался еще раз, последний, на Святую гору... чтобы проститься с могилой Пушкина. С дорожной сумкой через плечо и с маленьким томиком лирических стихотворений А.С. Пушкина в кармане пальто, опустился я на колени перед знакомой белой решеткой, ограждающей это священнейшее для каждого русского писателя место <...> А кругом - улыбалось своей жизнерадостной улыбкой ослепительное и знойное июльское утро, в изумрудной чаще над могильным памятником беззаботно заливались птицы, внизу, под горой, весело звякали бубенцы почтовой тройки, напоминающие паломнику Святых гор, что пора ехать. Что делать - пора!.. Прощайте, Святые горы, прощайте, святые "Пушкинские уголки"... прости, великая укоризненная могила, да оберегает тебя на вечные времена своей живой оградой любовь русского народа!!... [18, С.72-73]

Святые Горы (бывшая слобода Тоболенец), а теперь Пушкинские Горы и его живописные окрестности - важнейший пункт на духовной карте России, "где Пушкин спит", где - "прах его и дух его священный".

"Ты знаешь край, где темные узоры
Густых лесов заткали кругозор,
Где Пушкин спит... Над ним Святые Горы,
Мечту певца лелея с ранних пор,
Хранят и прах его, и дух его священный, -
Залог любви и песни вдохновенной" [15, С.193]

Е. К. Остен-Сакен "Туда", 1902

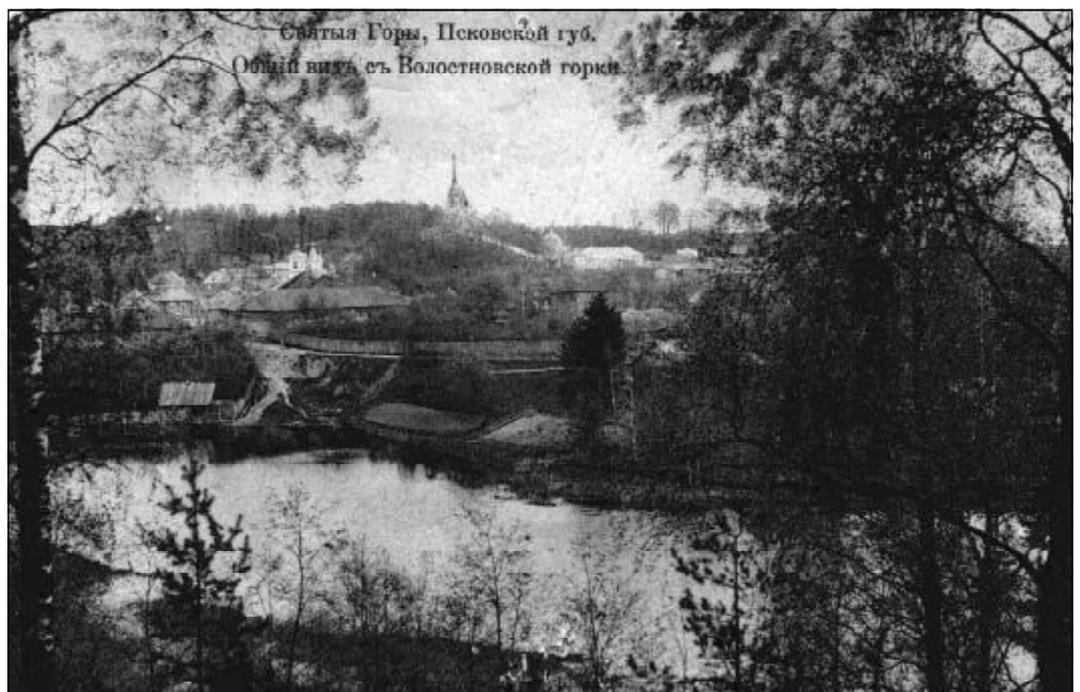
Литература

1. Васильев-Ушкунник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. Изд-во Т-ва В.В. Думнов, насл. Бр. Салаевых. М., 1924. С. 70
2. Случевский К.К. Путешествие Его Императорского Высочества князя Владимира Александровича. М., 1885. С. 117
3. Мышецкий Д. Лицейский журнал. 1909-1910, вып. VI. С. 307
4. Яблоновский А.А. Поездка в Михайловское. Сын Отечества № 38, март 1899.
5. Есипович Г.Я. На родине поэта Александра Сергеевича Пушкина. Путевые очерки. Симферополь. Типография С.Б. Синани. 1902. С. 16
6. Меч С. День в Михайловском. Россия. Географический сборник для чтения в семье и школе. Десятое издание, 1907.
7. Вейденбаум В.Г. Несколько слов о пушкинских местах. Исторический вестник. 1911. Кн. 8. Август. С.585
8. Тимофеев К.А. Могила Пушкина и село Михайловское // Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1859, Т.103. № 8, отд. 2. С. 268-269
9. Опочинин Е. От Москвы до Святых Гор. Московский листок. Март. 1899.

10. Сборник "Саянский венок Пушкину". Абакан. 1999. С. 33-34
11. Г-Гри П., "Крымский вестник", 1899, 25 мая № 133. С. 23
12. Лукашевич К. Три дня в Святых Горах. Журнал "Детский отдых", №6, 1899. С. 128
13. Паустовский К. "Михайловские рощи". Наедине с осенью. Советский писатель. М., 1972. С. 265-266.
14. Паустовский К. Дым Отечества, издательство Советская Россия. М., 1964. С. 63
15. Остен - Сакен Е. "...по Пскову-то сам Пушкин мне земляк...", сельцо Михайловское. 2000. С. 6
16. Острогорский В.П. Пушкинский уголок (альбом). М., 1899. С. 101
17. Евгений Шведер. 1907. "Вечерний Псков". Воспевая уголок Пушкина. 20 апреля 1998г. с. 2
18. Щеглов И. Новое о Пушкине. С.- Петербург. Издание СПб. Т-ва Печатного и Издательского дела "Труд."1902. С. 27

Святые Горы. Монастырь, в котором находится могила А.С. Пушкина.

Святые горы.